

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ – К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДМИЛЫ ИВАНОВНЫ НОВИКОВОЙ

А.В. МУДРИК,

д.п.н., проф., чл.-корр. РАО, профессор кафедры социальной педагогики и психологии ФГБОУ ВПО МНПУ им. Ленина, г. Москва

В статье дается авторское понимание нетоталитарной педагогики, кратко характеризуются социально-политические условия, в которых появились нетоталитарные концепции воспитания. В качестве авторов нетоталитарных концепций в 60–80-е годы называются В.А. Сухомлинский, Л.И. Уманский и А.Н. Лутошкин. Основное внимание уделено Л.И. Новиковой – ее нетоталитарной концепции коллектива и работам ее сотрудников, формам распространения их идей, а также их постсоветской судьбе.

Людмила Ивановна Новикова пришла в теоретическую педагогику в период, получивший название «Оттепель».

«Оттепель» 50–60-х годов прошлого столетия явила педагогике новые феномены в сфере воспитания, которые надо было осмыслить. Да и сама по себе изменившаяся атмосфера подействовала на ряд педагогов-теоретиков. Появилось то, что в 1996 году я назвал нетоталитарной педагогией (эту идею я впервые озвучил, выступая на заседании бюро Отделения философии образования РАО).

Что понимать под нетоталитарностью? В обществоведческой литературе я не встретил ни этого термина, ни определения понятия, которое он обозначает (во всяком случае, с моей точки зрения). Поэтому кратко изложу свой подход к этому явлению.

Нетоталитарная педагогика – это не антитоталитарная педагогика. Их объединяет, пожалуй, лишь присущее их носителям инакомыслие в условиях тоталитаризма.

Антитоталитарные педагоги Русского зарубежья (С.И. Гессен, В.В. Зеньковский и др.) и неизвестные мне, но, возможно, жившие в СССР, не принимали господствующую идеологию, противопоставляли ей принципиально иные педагогические взгляды.

Педагоги, которых можно считать создателями нетоталитарных концепций, как я думаю, были нетоталитарными стихийно, а не сознательными противниками господствующей идеологической системы (хотя известные мне люди относились к ней весьма критично, а некоторые и не принимали ее напрочь). Поэтому они, будучи инакомыслящими, не были диссидентами. В социальной практике нашей страны в 60–70-е годы термин «диссидент» означал не просто инакомыслие, но и инакодействие, активное действие в соответствии с инакомыслием (правозащитная работа, отстаивание религиозных свобод, информирование отечественной и зарубежной общественности о нарушениях прав человека, распространение «самиздата» и «тамиздата» и т.д.).

Поэтому педагогические идеи и концепции, порожденные инакомыслием и осмыслением нетипичной воспитательной практики, но не предполагающие классической диссидентской деятельности, я считаю возможным и адекватным обозначить как нетоталитарные.

Нетоталитарность в педагогике как антитеза тоталитаризму возникла уже в 20-е годы. Отражающие ее идеи разрабатывали некоторые педагоги и часть педологов (вопрос о предшественниках нуждается в исследовании весьма трудном, но тем не менее необходимым).

В «оттепель», пожалуй, самым известным педагогом из тех, кто стал проповедовать нетоталитарные идеи, стал Василий Александрович Сухомлинский (1918–1970). В своих последних книгах «Сердце отдаю детям», «Мудрая власть коллектива», «Рождение гражданина» и в других он не только изложил комплекс идей, за которые был публично обвинен в проповеди «буржуазного гуманизма», но и дал довольно много оснований для того, чтобы проследить в них явную связь с этикой христианства: и то и другое явно противоречило тоталитарной советской марксистско-ленинской педагогике.

Работы, концепции некоторых педагогов застойной поры можно весьма условно обозначить метафорой – редиска, у которой, как известно, шкурка красная, а мякоть – белая (безусловно, сами они, скорее всего, очень возмутились бы таким сравнением, ибо были довольно последовательными приверженцами коммунистической идеологии). Наиболее яркие из известных мне представителей этой педагогики – Лев Ильич Уманский и Анатолий Николаевич Лутошкин (хотя были и другие, но либо мне неизвестные, либо не оказавшие такого большого влияния на практику воспитания при жизни и не оставившие столь много последователей после жизни). Концепция Л.И. Уманского–А.Н. Лутошкина – редиска, потому что номинально-терминологически в ней идет речь об индоктринации коммунистических лозунгов, но суть ее – в создании условий для развития и самореализации воспитанников. Эта концепция внешне

вполне вписывалась в тоталитарную педагогику, которая, тем не менее, «верхним чутьем» улавливала ее нетоталитарную сущность и не принимала в «свои ряды» и почти не замечала Лутошкина и Уманского.

Можно, вероятно, назвать и других педагогов, идеи которых в той или иной мере имели нетоталитарный характер. В этом тексте я кратко скажу лишь о моем учителе – Людмиле Ивановне Новиковой.

В середине 60-х годов она создает лабораторию «Коллектив и личность», которая в течение двух десятков лет заполняла «лакуну», случайно образовавшуюся во всеобщем «сне разума, рождающем чудовищ», получившем позднее название «застой». В этой «лакуне» рождались концепции, которые вполне можно определить как нетоталитарные.

То, что создавать такие концепции стала лаборатория Л.И. Новиковой, – вряд ли случайность. Уже ее состав был своеобразным. Старшее поколение: Илья Борисович Первин – учился в школе-станции НКП у репрессированной позднее З.Н. Гинзбург, прошел войну, фашистский и советский лагеря; Александр Тимофеевич Куракин – мальчишкой начал войну в морской пехоте и прошел ее на передовой; Маргарита Дмитриевна Виноградова – дочь репрессированного. Мы, тогда младшее поколение – Валя Максакова (ныне профессор), Толя Буданов, Наташа Селиванова (ныне член-корреспондент РАО, руководитель Центра проблем воспитания, который создала Л.И. Новикова) и я, с одной стороны, дети оттепели, с другой – работавшие в известных воспитательных организациях (в «Орленке», в детдоме Калабалина, в школе Цейтлина), с третьей – достаточно реалистично, а значит, критически-скептически смотревшие на все происходящее вокруг нас. И старших, и младших объединял интерес к тому, что мы делали, а Людмила Ивановна не только создавала атмосферу постоянного интереса к делу, но и особые человеческие отношения, а также позволяла нам не делать то, что нам категорически не нравилось. А главное – она была по-настоящему умна, талантлива и человечна.

Концепция традиционно понимается во многом как синоним теории – система взглядов, то или иное понимание явлений действительности. Но в этом тексте мне более подходит определение философов С.С. Неретиной и А.П. Огурцова: «Концепция связана с разработкой и развертыванием личного знания, которое в отличие от теории не получает завершенной дедуктивно-системной формы организации и элементами которого являются не идеальные объекты, аксиомы и понятия, а концепты – устойчивые смысловые сгущения, возникающие и функционирующие в процессе диалога и речевой коммуникации».

Спецификой лаборатории Л.И. Новиковой было в том числе и то, что практически все ведущиеся в ней исследования подвергались многократному обсуждению как на заседаниях, так и, еще чаще, в кулуарах, а также дома у Людмилы Ивановны, Александра Тимофеевича Куракина и других сотрудников. Поэтому в любой подготовленной диссертации или книге в той или иной мере присутствовали «устойчивые смысловые сгущения», возникавшие в процессе диалога. Причем не всегда в том виде, в котором они высказывались, а нередко как антитеза предложенным в диалоге концептам или их большая или меньшая трансформация.

Если даже бегло обозреть работы, выполненные в лаборатории за рассматриваемый период времени (приблизительно 1965–1984 годы), то за редким исключением (а таковые все же встречались – например, была диссертация про пост № 1 у Вечного огня), они имели нетоталитарный характер, не укладывались в общепринятые идеологические стандарты. Несколько примеров: групповая работа и коллективная познавательная деятельность (М.Д. Виноградова, И.Б. Первин), общение как фактор воспитания школьников и воспитание личности школьника в коллективе – обеспечение субъектности, помощь в самоосознании, самоопределении, самореализации (А.В. Мудрик), конфликты в коллективе и их преодоление (В.М. Афонькова, ныне Басова), классный коллектив как социально-психологическое и социально-педагогиче-

ское явление (С.Д. Поляков, Н.Л. Селиванова), коллектив старшеклассников, самоопределение и самоутверждение личности (К.В. Вербова, И.А. Карпюк), развитие самосознания старшеклассников в коллективной жизнедеятельности (К.Г. Митрофанов), старшеклассники как субъекты клубной работы (В.В. Полукаров), микрогруппы в коллективе подростков (А.В. Буданов), развитие индивидуальности подростка в коллективе (В.И. Максакова), развитие общительности и преодоление замкнутости подростков в коллективе (Л.М. Пикова), среда и воспитание (Ю.С. Мануйлов) и др.

Концепция воспитательного коллектива, разработанная в лаборатории, является типичным и наиболее завершенным примером нетоталитарной теории среднего уровня, а точнее, теории среднего радиуса действия (по Р. Мертону, в смысле объема той сферы социальной реальности, к которой относится эта концепция). Определять как нетоталитарную позволяет ряд основополагающих положений этой теории:

- коллектив – сложное социально-педагогическое явление: открытая и автономная система, обладающая неоднородным полем интеллектуально-морального напряжения, включающая в себя микрогруппы различной направленности, в которой складываются формализованные и неформализованные отношения, имеющие различный характер (гуманистический, асоциальный, нейтральный);
- коллектив – цель воспитательных усилий лишь на стадии его создания, а главное его предназначение – быть средством воспитания личности;
- коллектив – средство нивелирования человека лишь в аспекте приобщения его к общественной культуре (подтягивания до минимального уровня), а главное его назначение – стать средой и инструментом развития индивидуальности;
- коллектив – не только база накопления социального опыта его членами, но и арена самовыражения и самоутверждения личности.

Самое поверхностное сопоставление этих положений (а они не исчерпывают концепции) с теми, которые содержались в подходах к коллективу, предлагавшихся в документах, монографиях, учебниках той поры, показывает их альтернативность, а следовательно, в данном случае нетотальность.

В лаборатории практически все исследования, проводившиеся в русле концепции коллектива Л.И. Новиковой (так и не получившей должного признания, на мой взгляд, ни советской, ни постсоветской педагогики), как правило, включали в себя несколько блоков.

Во-первых, изучение исследований в сферах обществознания и человекознания, которые так или иначе соотносились с конкретной проблемой исследования, и извлечение из них того, что могло быть полезным.

Во-вторых, изучение того, как эта проблема решается и решается ли в массовом педагогическом опыте; а если не решается, то какой ущерб это наносит практике воспитания и какие потенциалы воспитательных организаций оставляет невостребованными.

В-третьих, изучение передового педагогического опыта хотя бы частичного решения исследуемой проблемы, а также контекста, в котором эта проблема так или иначе решается (как правило, на имплицитном уровне).

В-четвёртых, опытно-экспериментальная работа в изучаемых воспитательных организациях, направленная на поиск возможностей и конструирование способов решения в той или иной степени проблемы исследования.

Во второй половине 60-х, в 70-е и в начале 80-х годов эта работа наиболее интенсивно и продуктивно велась: в Москве в 73-й «французской» спецшколе – директор Юлий Михайлович Цейтлин, в школе № 725 – директор Владимир Абрамович Караковский, в школе № 561 – директор Евгения Николаевна Соболева, а ее заместитель – автор этих строк; в Ленинграде, в Коммуне юных фрунзенцев, а затем в школе № 708, руководимых

Фаиной Яковлевной Шапиро, в Краснодаре в школе № 12 – директор Федор Федорович Брюховецкий, а затем его дочь Людмила Федоровна, и в школах других городов; в Костроме, в областном лагере комсомольского актива – руководители Анатолий Николаевич Лутошкин, Анатолий Григорьевич Кирпичник, Николай Михайлович Рассадин; в станице Новопавловской Ставропольского края – руководитель Павел Григорьевич Годин, председатель местного колхоза, впоследствии кандидат педагогических наук.

В этих организациях вели исследования как сотрудники, так и аспиранты лаборатории. Кроме того, почти все аспиранты имели опыт работы и в той или иной мере интерес (как правило, неосознанный) к какой-либо проблеме, актуальной для лаборатории, чем и привлекали наше внимание. После нескольких лет (от года) сотрудничества с нами они поступали в аспирантуру, имея некоторый теоретический, эмпирический и, условно говоря, опытно-экспериментальный багаж, что весьма способствовало успешности их диссертационных работ и продвижению всей лаборатории в решении исследуемых проблем.

Людмилу Ивановну отличала страсть к новым идеям, нередко почерпнутым из других отраслей человековедения и обществознания. Большую роль в этом процессе играли, с одной стороны, А.Т. Куракин, а с другой – её сестра, философ Лидия Ивановна. Первый черпал идеи из книг, появлявшихся на исходе 60-х годов. Вторая – сама была в соответствующей среде, принося домой «последние известия» от философов, методологов, историков науки.

Посчитав, что та или иная идея необходима для педагогики, Людмила Ивановна начинала целеустремлённо разрабатывать её возможные педагогические аспекты, писать статьи и брошюры, организовывать круглые столы и симпозиумы, «пробивать» свои доклады на учёном совете института, на бюро отделения АПН, иногда на Президиуме АПН.

Еще в конце 60-х годов она вместе с А.Т. Куракиным писала о системном подходе и об идеях управления в педагогике, об историко-культурологическом подходе к воспитанию, о взаимосвязи педагогики с идеями экзистенциализма (в версии Ж.-П. Сартра), а позднее с идеями синергетики.

Очень впечатляет судьба этих идей и их первопропагаторов – Людмилы Ивановны и Александра Тимофеевича. Все перечисленные выше идеи последовательно вызвали активное неприятие коллег. Далее всё развивалось по известному анекдоту: сначала все говорили, что это бред, потом – вред, а затем кричали «Ура!» и утверждали, что «мы сами это знали».

Если посмотреть работы по системному подходу и управлению, которые начали появляться в начале 70-х годов, то «выяснится», что этими проблемами в педагогике занимались все, кто угодно, кроме Людмилы Ивановны и Александра Тимофеевича. Аналогичная история произошла с синергетикой. Во время обсуждения доклада Людмилы Ивановны на Президиуме Академии один философ негодовал по поводу того, зачем она тянет в педагогику энергетику, и был не одинок. А уже в конце 90-х все только и занимались синергетикой (судя по докторским, а порой и кандидатским авторефератам), кроме... Л.И. Новиковой.

Людмила Ивановна была одержима идеей междисциплинарного подхода к исследованию педагогических проблем. В первую очередь она стремилась объединить усилия педагогов и психологов, а в определенной мере – философов и социологов. Это нашло свое воплощение в созданном по ее инициативе и ценой больших усилий научном совете «Психолого-педагогические проблемы коллектива и личности» Президиума АПН СССР. Возглавили совет действительные члены АПН Хейно Йоханович Лийметс и Артур Владимирович Петровский, которого спустя пару лет сменил тоже действительный член АПН Алексей Александрович Бодалев. Людмила Ивановна была бессменным заместителем сопредседателей и фактическим мотором совета.

Научный совет неформально объединил (создав этакий «невидимый колледж») исследователей – как педагогов, так и психологов, а также ряд философов и социологов, в сфере интересов которых лежали те или иные проблемы психологии и педагогики коллектива, взаимодействия коллектива и личности, его роли в развитии личности (например, Людмила Пантелеевна Буева, Игорь Семенович Кон, Юло Вооглайд).

Проблема коллектива и личности интенсивно изучалась в тесно сотрудничавших еще с конца 60-х – начала 70-х годов лабораториях Людмилы Ивановны Новиковой, Александра Васильевича Киричука в Киеве, в функционировавшей сначала в Тартуском университете, а затем в Таллинском педагогическом институте лаборатории Хейно Йохановича Лийметса, на кафедрах психологии Курского, а затем Костромского педагогических институтов, которыми руководили Лев Ильич Уманский и Анатолий Николаевич Лутошкин.

В орбиту созданного научного совета вошли в основном исследователи из России, Украины и Эстонии, а также отдельные кафедры и исследователи-одиночки из других республик (например, Яков Львович Коломинский из Минска).

Научный совет стал своеобразным центром исследовательской мысли в сфере психолого-педагогической проблематики коллектива и личности. Довольно регулярно им проводились конференции и симпозиумы по тем или иным конкретным аспектам исследуемой проблемы. Собравшиеся (обычно до 100 человек) обсуждали теоретические, методологические, эмпирические, экспериментальные исследования (их замыслы, ход, полученные данные, предварительные результаты, перспективы исследований). К конференциям и симпозиумам, проходившим в Эльве и неоднократно в Таллине (Эстония), в Умани и в Полтаве (Украина), предварительно издавались сборники материалов, обычно под редакцией Людмилы Ивановны и Хейно Йохановича.

Одной из любимых идей Людмилы Ивановны было проведение летних школ

молодых исследователей. На них собиралось 30–50 аспирантов, молодых преподавателей вузов и научных сотрудников. Школы проходили обычно в течение трех–пяти дней в очень красивых уголках Эстонии (Х.Й. Лийметс и его сотрудники, в первую очередь Ульве Кала и Аза и Олев Мусты, брали на себя их организацию). Все мы, участники этих школ, тепло вспоминаем наши встречи в Вяндра (1980 г.), Кяярику (1981 г.), Хаапсалу (1982 г.), Вярса (1983 г.), Пярну (1984 г.), Таллине (1985 г.).

Идеи Людмилы Ивановны и сотрудников ее лаборатории многие коллеги и «начальство» нередко обвиняли в непрактичности. Единственным человеком в тогдашнем наробразовско-педагогическом и комсомольско-партийном истеблишменте, который понимал огромный практический смысл новиковских теорий, была Любовь Кузьминична Балясная, которая работала заместителем министра просвещения РСФСР. С Людмилой Ивановной у них сложились, по моим впечатлениям, теплые неформальные отношения, что весьма способствовало деловым связям. Насколько я помню, Людмила Ивановна и Любовь Кузьминична довольно часто обсуждали самые разные вопросы, возникающие у той или другой из них. Но основным видом сотрудничества, о котором я могу говорить более или менее со знанием дела, были Всероссийские научно-практические конференции.

Эти конференции, собиравшие до 500 участников, организовывало министерство – Л.К. Балясная и ее аппарат. Программу конференции разрабатывали, как я помню, вместе Людмила Ивановна и Любовь Кузьминична. Докладчики готовили сотрудники лаборатории. Доклады делали и они, и аспиранты лаборатории, и практики, с которыми работала лаборатория.

Пленарное заседание открывал местный руководитель, затем установочный доклад делала Любовь Кузьминична (в редких случаях ее заменяла Лиля Ивановна Филатова). Не было традиционной работы по секциям, а проводились общие проблемные

заседания. Каждое открывалось докладом сотрудника лаборатории, а затем обычно выступали аспиранты и практики, имевшие опыт решения (или хотя бы приближения к нему) обсуждаемой проблемы.

Всего таких конференций было проведено семь. Первая была в Казани в 1971 году на тему «Управление и руководство процессом воспитания школьников». Затем последовали конференции в Курске в 1976 году по проблеме коллектива и личности, в Костроме (1978 г.) – по проблеме классного коллектива как объекта и субъекта воспитания, в Свердловске (1980 г.) – о воспитательном коллективе и среде его жизнедеятельности, в Липецке (1981 г.) – деятельность, общение, игра в развитии коллектива и формировании личности школьника, в Нижнекамске (1982 г.) – о воспитательных потенциях коллектива, Кемерове (1984 г.) – о воспитании личности в коллективах различного типа.

Очень любопытна и, думаю, показательна постсоветская судьба концепции Л.И. Новиковой. Грубо говоря, о ней забыли. Вернее, правильнее будет сказать, забыли упоминать тех, кто ее разрабатывал, потому что сами идеи «пошли в ход».

Так, весь пласт идей, связанных с созданием условий для развития личности и помощи ей в самоосознании, самоопределении, самореализации, развитии индивидуальности, «пустили» по департаменту педагогической поддержки (даже такой серьезный исследователь, как Григорий Борисович Корнетов, говоря о педагогике поддержки, от Роджерса «перескакивает» к педагогической поддержке, появившейся у нас в стране не ранее самого конца 1993 года, игнорируя и Сухомлинского, и концепции школы Новиковой).

В 90-е годы особенно большое внимание и педагогов-исследователей, и психологов стало уделяться личностному подходу. Однако никто не упоминал о том, что он родился в лаборатории Л.И. Новиковой и получил довольно развернутую характеристику (которая не претендовала и не претендует на истину в последней инстанции) в моей брошюре «Личность школьника и

ее воспитание в коллективе» (изданной «Знанием» в 1983 году тиражом более 130 тысяч экземпляров). Как о совершенно новом те авторы, которые много лет писали об идейно-политическом, трудовом и других направлениях коммунистического воспитания, стали писать о личностном подходе в образовании-воспитании. К их трудам можно относиться по-разному, но при чтении их не оставляет ощущение, что в них, по сути дела, речь идет не о личностном, а об индивидуальном подходе в воспитании.

***

За свою долгую жизнь исследователя Людмила Ивановна Новикова создала свою научную школу и многое сделала для отечественной педагогики и воспитания. Но меня не покидает мысль о том, что предлагаемые обстоятельства ее жизни не позволили ей сделать намного больше. О ней я готов сказать словами Андрея Вознесенского:

«Ландау, погибший в косом лаборанте,
Коперник, погибший в Ландау галантном».

